

СУБКУЛЬТУРЫ ПРОВИНЦИИ: ДАТЬ СТОЛИЧНОЙ МОДЕ ИЛИ ЗАПРОС ИЗ МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЫ? (НА МАТЕРИАЛАХ СУБКУЛЬТУРЫ ХИП-ХОПА)

Ю.А. Кузовенкова

ФГБОУ ВО «Самарский государственный медицинский университет» Минздрава России

Для цитирования: Кузовенкова Ю.А. Субкультуры провинции: дань столичной моде или запрос из молодежной среды? (на материалах субкультуры хип-хопа) // Аспирантский вестник Поволжья. – 2019. – № 3–4. – С. 74–79. <https://doi.org/10.17816/2072-2354.2019.19.2.74-79>

Поступила: 30.04.2019

Одобрена: 27.05.2019

Принята: 10.06.2019

▪ В статье рассматриваются причины, которые привели к распространению субкультуры хип-хопа в региональных городах России. Анализируется временной промежуток, охватывающий конец 1990-х — 2000-е годы. Материалом для исследования являются полуструктурированные глубинные интервью, взятые у людей, которые в указанный период были представителями этой субкультуры.

Пришедшая из Москвы мода на эту субкультуру оказывается не единственной причиной распространения хип-хопа в Самаре. Исследование показало, что на распространение хип-хопа в Самаре сильное влияние оказала социальная ситуация, в которой жила молодёжь в первые десятилетия после распада Советского Союза. Молодёжь ощущала глубокий социальный и духовный кризис, возникший в стране.

На этом фоне в городе существовало несколько молодёжных субкультур: скинхеды, растаманы, рокеры, хип-хоп. Материалы интервью позволяют говорить о том, что молодёжь делала выбор среди вышеуказанных субкультур, опираясь на свои приоритеты и ценности. У представителей хип-хопа можно выделить два ключевых приоритета: здоровый образ жизни и творческую самореализацию. Субкультура хип-хопа стала для подростков особым культурным пространством, отличавшимся от доминирующей в обществе культурной среды с выраженной ценностной неопределённостью. Мы полагаем, что распространение субкультуры хип-хопа в региональных городах было не только данью столичной моде, но и средством преодоления социального кризиса, возникшего в результате распада СССР.

▪ **Ключевые слова:** молодёжь; субкультура; хип-хоп; столица; провинция; ценности; образ жизни.

SUBCULTURES OF PROVINCE: A TRIBUTE TO THE CAPITAL'S FASHION OR A REQUEST FROM THE YOUTH SPHERE? (ON MATERIALS OF THE HIP-HOP SUBCULTURE)

Yu.A. Kuzovenkova

Samara State Medical University

For citation: Kuzovenkova Yu.A. Subcultures of province: A tribute to the capital's fashion or a request from the youth sphere? (On materials of the hip-hop subculture). *Aspirantskiy Vestnik Povolzh'ya*. 2019;(3-4):74-79. <https://doi.org/10.17816/2072-2354.2019.19.2.74-79>

Received: 30.04.2019

Revised: 27.05.2019

Accepted: 10.06.2019

▪ The article discusses the causes that led to the spread of hip-hop subculture in regional cities of Russia. We decompose the time period covering the end of the 1990s — the beginning of 2000s. Material for the study are semi-structured interviews taken from representatives of this subculture during this period.

Fashion for this subculture from Moscow is not the only reason for the spread of hip-hop in Samara. The study showed that the spread of hip-hop in Samara was strongly influenced by the social situation in which young people lived in the first decades after the collapse of the Soviet Union. Young people felt a deep social and spiritual crisis in the country.

There were several youth subcultures in the city in this background: skinheads, rastamans, rockers, hip-hop. The materials of the interviews allow us to say that a choice of young people among these subcultures bases on their

priorities and values. The representatives of hip-hop have two key priorities: a healthy lifestyle and creative self-realization. Subculture of hip-hop has become for teenager's special cultural space that is different from the dominant cultural which had strong value uncertainty. We believe that the spread of the hip-hop subculture in regional cities was not only a tribute to the capital fashion, but also a means of overcoming the social crisis arised from the collapse of the USSR.

▪ **Keywords:** youth; subculture; hip-hop; capital; province; values; lifestyle.

Ярко выраженная российская дихотомия «столица – провинция» имеет многочисленные формы проявлений во всех сферах жизни общества. С Москвой, а в своё время с Санкт-Петербургом, связаны ключевые политические и экономические события, столица задаёт тон и в повседневной жизни, определяя моду в архитектуре, одежде, образе жизни, формах досуга, книгах, еде, музыке и т. п. Многочисленные молодёжные субкультуры, появившиеся в России ещё в советский период её истории, ярко были представлены в первую очередь в Москве, а также, в той или иной мере, в ряде региональных городов. На материале субкультуры хип-хопа можно говорить о том, что именно Москва стала центром её распространения по всей России. В рамках данной статьи мы стремимся выявить причины распространения субкультур, популярных в столице, по другим городам России. Что за этим стоит: диктуемая столицей мода на образ жизни или запросы самой молодёжной среды, связанные с адаптацией подрастающих поколений в обществе, самоутверждением через обращение к культурным образцам, отличным от тех, которые транслирует родительская культура?

Актуальность данной проблемы обусловлена тем, что исследованию подвергается преимущественно молодёжная среда Москвы и Санкт-Петербурга, молодёжное пространство региональных городов в исследовательском плане недооценено [3, 8].

Чтобы ответить на поставленный вопрос, мы обратимся к материалам по субкультуре хип-хопа, собранным в г. Самара. Хип-хоп является сложносоставной субкультурой, включающей в себя ряд творческих видов деятельности: брейк-данс, граффити, городские виды спорта (роликовые коньки, скейтбординг, диджеинг, рэп).

Изучение имеющихся научных исследований по этой теме позволяет заключить, что интерес к хип-хоп культуре как объекту исследования возникает впервые в США в 1970-х годах. В научной среде также поднимался вопрос о мотивах, побуждающих подростков становиться частью этой субкультуры. Сходство американской и российской научных ситуаций заключается в узости исследуемой сре-

ды: в США, так же как и в России, изучались преимущественно подростки одного крупного мегаполиса — Нью-Йорка, несмотря на то, что хип-хоп распространён во многих американских городах.

Более чем за 40 лет исследований этого феномена выдвигались различные концепции, объясняющие востребованность субкультуры хип-хопа или его составляющих в американской подростковой среде. Согласно социологам, в целом молодёжные субкультуры помогают в переходе из детства во взрослую жизнь [22, 14]. Согласно британской марксистской школе, любая субкультура — это «символическая форма сопротивления» официальной власти [17; 18, с. 80]. П. Франк и М. Маккензи отмечали, что хип-хоп зародился в Нью-Йорке, который можно охарактеризовать как «городской мир физического и психологического насилия» [16, с. 43]. Исходя из этих социокультурных условий П. Деннант полагает, что «хип-хоп появился как голос недовольной молодёжи из гетто Нью-Йорка, отражая существующие в обществе проблемы. Молодые люди использовали спреи и микрофоны для общения и декларирования своих, обращаясь как к своему кругу, так и к посторонним» [13]. Неформальное и неофициальное искусство позволяет молодёжи обратиться к общественности, обходя «...традиционные каналы мира искусства, которые часто для них закрыты» [10, с. 10]. Дж. Феррелл видел в хип-хопе «...ответвление политического радикализма и усиление влияния афро- и латиноамериканской культур...» [15]. Согласно Г. Бейкеру, хип-хоп может рассматриваться как эхо внутригородских проблем, в которых реализуются «стратегии сопротивления» [9, с. 62] сложившейся ситуации. Л. Кригель называл граффити «барометром ухудшений городской среды» [19, с. 432], его определяли как новый вид современного искусства [21], Д. Крейн полагал, что в творчестве райтеров доминировали не эстетические, а социальные задачи, поэтому граффити не может рассматриваться как чистое искусство [12].

Ряд исследователей полагает, что подростки привлекают не творческие виды активностей сами по себе, а возникающая при этом возможность стать частью некой социальной

общности и получить признание среди себе подобных [11, 20]. Таким образом, появление и распространение субкультуры хип-хопа в западном научном дискурсе связывалось с политическими проблемами американского общества.

Чтобы исследовать причины обращения отечественной молодёжи к хип-хопу в Самаре — областном центре одного из регионов России, мы провели ряд глубинных полуструктурированных интервью. Интервьюентами стали бывшие представители субкультуры хип-хопа, чья активность пришлась на вторую половину 1990-х — начало 2000-х годов, в связи с чем для анализа в рамках данной статьи был выбран именно этот период. На момент увлечения хип-хопом интервьюенты учились в последних классах школы или на первых курсах профессиональных учебных заведений.

Вначале дадим характеристику социокультурной ситуации, в которой существовала молодёжь в конце 1990-х — начале 2000-х годов. Исследователи истории молодёжной политики в России 1990-х отмечают: «...Были катастрофически ослаблены системы молодёжного туризма, воспитания и отдыха детей, подростков и молодёжи, социализации юношества, уменьшилась социальная защищённость и поддержка различными институтами власти талантливой молодёжи... распалась сеть культурных и спортивных учреждений для детей и молодёжи» [4, с. 199]. Кризисным 1990-м годам предшествовала перестройка, за которой последовал распад СССР. В результате целой череды событий в 1990-х гг. произошло «сжатие» пространства молодёжной культуры. В советское время существовало большое количество молодёжных объединений, дворцов пионеров и школьников, организующих досуг подростков. Издавалось большое количество периодической литературы для молодёжи: журналы «Пионер», «Пионерская зорька», «Костер», «Юный техник», «Юный натуралист» и др. Действовали детские лагеря «Артек», «Орлёнок», «Океан» и др. Таким образом, подросткам предоставлялся широкий круг областей, в которых они могли бы себя реализовать и, что важно, финансовая и организационная возможность для этой самореализации. Но в 1990-е годы многое из перечисленного прекратило своё существование, а государственная молодёжная политика не заполнила образовавшиеся лакуны новыми предложениями. Эта «пустота» ощущалась: «Для молодёжи тогда ничего не было» [Инф. 1], — типичный ответ информанта на вопрос о том, что предлагало

подросткам отечественное культурное пространство. Другой информант даёт более детальное описание среды, в которой протекала его молодость: «...Чего много было в это время — это бандитов, нищета, невероятное количество завезённых наркотиков, ошалевшие люди, не понимающие рыночную экономику, мозг это не воспринимал, пили многие... да там был дурдом... какое отечественное... вот реально я, что перечислил, было отечественное...» [Инф. 2]. Все интервьюенты отмечают кризисное состояние пространства молодёжной культуры из-за отсутствия предложений, отвечающих их интересам. На этом фоне подростки стали обращать своё внимание на образцы западной молодёжной культуры.

Опрашиваемые отмечали, что заниматься хип-хопом в то время было модно. Центром развития этой субкультуры стала Москва. Согласно одному из информантов [Инф. 3], 1 апреля 1985 года считается днём рождения российского хип-хопа. В этот день в Москве на Арбате прошло первое выступление музыкантов и танцоров. Публике были представлены брейк-данс и рэп. Среди выступающих были Дельфин, Владимир Пресняков, Влад Валов, группа «Тэт-а-тэт» и др. А в 1989 году в Москве была образована группа «Bad Balance», на базе которой появился центр хип-хоп культуры в России. Вслед за жителями столицы самарские подростки начали осваивать брейк-данс, рэп, диджеинг и граффити. Каналы поступления информации о хип-хоп культуре в Самаре были различны — от поездок молодёжи в Москву до специализированных молодёжных журналов [2]. Однако материалы интервью позволяют заметно расширить перечень причин, по которым происходило обращение самарской молодёжи к хип-хопу.

Зафиксируем тот факт, что обращение молодёжи к хип-хопу происходило на фоне не только экономического, но и глубокого духовного кризиса: «Крайне тяжёлая экономическая ситуация, меняющаяся политическая риторика, с трудом сдающая свои позиции советская повседневность, резкое снижение качества жизни у одних и повышение у других — эти и другие изменения формируют атмосферу социальной неопределённости и ценностно-нормативного вакуума» [6, с. 6]. Но, в отношении молодёжных субкультур, по нашему мнению, правильнее будет говорить не о ценностном вакууме, а о ценностной неопределённости или плюрализме ценностных систем.

В такой ситуации на отечественной культурной почве появилось большое количество субкультур, предлагающих подросткам те

или иные системы ценностей, идеалы и нормы поведения, образ жизни: рок-культура, движение скинхедов, панк-культура, хип-хоп-культура и др. Как молодёжь ориентировалась в возникшем веере выбора, хорошо видно в ответах интервьюентов. Объясняя выбор, они ссылались на свои приоритеты и интересы. Обобщив материалы интервью, можно выделить два главных приоритета представителей хип-хопа: здоровый образ жизни и творческую самореализацию. Субкультуры скинхедов, панков, рокеров, растаманов не предполагают занятий спортом и здорового образа жизни, их представители редко обращались к творческим формам самореализации, пропагандируя противоположные устремления (наркотики, алкоголь, агрессивное, деструктивное поведение и др.). Интервьюенты отмечали, что для них важен тот факт, что хип-хоп не был связан с наркоманами, растаманами [Инф. 4, Инф. 5]. Хип-хоп связан со спортом и физической активностью через свои составляющие — брейк-данс и городские виды спорта. Как отметил один из интервьюентов, «ты или хорошо танцуешь, или пьёшь» [Инф. 1]. У брейк-данса значительный спортивный потенциал. Министерство спорта РФ в 2015 году признало его новым официальным видом спорта [7].

Один из наиболее интересных и подробных ответов описывал «бандитские» реалии 1990-х и позитивные ценности, которые несёт хип-хоп через своё музыкальное направление: «Хип-хоп культура — это целый огромный пласт, который неразрывно связан со всей мировой культурой. Единственное, что я могу сказать — у нашей молодёжи не было альтернатив, потому что было очень много грязного и плохого на улицах, а рэп-музыка даёт понять, что это плохое, раскрыть перед молодыми людьми, что есть тёмное, что есть светлое. Можно сказать, что это путеводитель в нашем жестоком мире <...> мы, может быть, и выжили благодаря ему» [Инф. 3].

Обращаясь к практикам хип-хопа, молодёжь формировала свою культурную идентичность. Через занятия творчеством они создавали позитивное представление о самих себе, через причастность практике отличали «своих» и «чужих»: «хип-хоп позволял себя чувствовать кем-то... Ты не грязный панк» [Инф. 1] или «антиподами хип-хопперов были скинхеды. Я их не любил тогда, не люблю и сейчас» [Инф. 6].

Все интервьюенты отмечали, что помимо ценностей здорового образа жизни в хип-хопе их привлекала возможность найти творческую форму самореализации. Хип-хоп ориентиро-

вал на своеобразный универсализм в плане творчества, иными словами, побуждал подростков заниматься всеми видами творческой активности, которые были в этой субкультуре. Большинство интервьюентов пробовали себя и в брейк-дансе, и в рэпе, и в граффити, и в диджеинге. О серьёзности творческих интересов говорит тот факт, что многие связали свою дальнейшую профессиональную деятельность со своими подростковыми увлечениями. Среди приведённых в данной статье интервьюентов присутствуют профессиональный каллиграф, продюсер музыкальной группы, руководитель школы брейк-данса, два художника, занимающихся коммерческой росписью стен. Можно говорить о том, что хип-хоп во второй половине 1990-х — начале 2000-х годов стал средством заполнения лакун, связанных с формами творческой самореализации молодёжи.

В молодёжных субкультурах Е.Л. Омельченко видит «стремление девушек и юношей обрести своё независимое пространство» [5]. Именно это можно проследить в поведении молодёжи, увлекавшейся в 1990-х — 2000-х годах хип-хопом. В России эта субкультура стала способом создания нового социокультурного пространства. Будучи неудовлетворённой кризисной ситуацией в обществе, молодёжь сформировала ту среду, которая отвечала их духовным потребностям. Ценности здорового образа жизни, творческой самореализации, противопоставленные наркомании, употреблению алкоголя, агрессивному поведению, легли в основу российской субкультуры хип-хопа.

Ответы интервьюентов позволяют говорить о том, что, выбирая субкультуру как средство самовыражения и самореализации, подростки руководствовались не только и не столько модой, сколько своими духовными потребностями и той системой ценностей, на которой основывались субкультуры. Конкурируя между собой за молодёжь, субкультуры формировали вокруг себя социальные группы, скреплённые общей идентичностью их членов. Внутри молодёжной среды формировалось пространство социальных различий, в котором с одной стороны была представлена субкультурная молодёжь («продвинутая»), с другой — «нормальная» (с субкультурами не связанная) [6, с. 6]. Первая отличалась от второй наличием определённых жизненно-стилевых предпочтений, которые в рамках хип-хопа нашли своё выражение в практикуемых видах творческой деятельности.

Таким образом, влияние столицы на появление субкультуры хип-хопа в Самаре

очевидно. Вместе с тем говорить, что её распространение было лишь данью моде, на наш взгляд, неправомерно. Мы связываем её востребованность в молодёжной среде с наличием определённых духовных запросов и ценностных ориентаций у самой молодёжи. Р. Джонсон полагает, что термин «культура» «...остаётся полезным не как строгая категория, а как своеобразный итог истории» [1, с. 86]. Продолжая его мысль, можно сказать, что распространение субкультуры хип-хопа в российской молодёжной среде стало итогом сложного выхода России из советского периода своей истории. В отличие от американской ситуации, распространение субкультуры хип-хопа в России стало результатом наличия в стране не политических, а социальных и экономических проблем.

Интервьюенты:

Инф. 1 — Н.В., 35 лет, м., начал рисовать в 1996 г.

Инф. 2 — Ю.М., 35 лет, м., начал рисовать в 1996 г.

Инф. 3 — А.М., 40 лет, м., начал рисовать в 1995 г.

Инф. 4 — М.Ш., 31 год, м., начал рисовать в 1999 г.

Инф. 5 — А.З., 36 лет, м., начал рисовать в 1995 г.

Инф. 6 — Н.У., 29 лет, м., начал рисовать в 2000 г.

Литература

1. Джонсон Р. Что же такое культурные исследования? // Философско-литературный журнал Логос. – 2012. – № 1. – С. 80–135. [Johnson R. What Is Cultural Studies Anyway? *Logos*. 2012;(1):80-135. (In Russ.)]
2. Кузовенкова Ю.А. Виртуализация граффити и стрит-арта // Культура и искусство. – 2018. – № 12. – С. 77–89. [Kuzovenkova YA. Virtualization of graffiti and street-art. *Kultura i iskusstvo*. 2018;(12):77-89. (In Russ.)]. <https://doi.org/10.7256/2454-0625.2018.12.27917>.
3. Гущин В.П., Бугаков И.С., Лутсберг А.Э., и др. Неформальные молодежные сообщества Санкт-Петербурга: теория, практика, методы профилактики экстремизма / Под ред. А.А. Козлова. – СПб., 2008. – 220 с. [Gushchin VP, Bugakov IS, Lutsberg AE, et al. *Neformal'nye molodezhnye soobshhestva Sankt-Peterburga: teoriya, praktika, metody profilaktiki jekstremizma*. Ed. by A.A. Kozlov. Saint Petersburg; 2008. 220 p. (In Russ.)]
4. Номоконов М.В. Особенности становления и развития молодежной политики в Забайкалье в 90-е гг. XX в. // Известия Алтайского государственного университета. – 2009. – № 4–4. – С. 199–203. [Nomokonov MV. Peculiarities of forming

and development of youth policy in Transbaikalia in 90s years of the XXth century. *Izvestiya of Altai State University Journal*. 2009;(4-4):199-203. (In Russ.)]

5. Полит.Ру. Омельченко Е.Л. Смерть молодежной культуры и рождение стиля «молодежный» [Интернет]. [polit.ru Omelchenko EL. The death of youth culture and the birth of the “youth” style [Internet]. (In Russ.)] Доступно по: <https://m.polit.ru/article/2006/10/26/omelchenko/>. Ссылка активна на 15.03.2019.
6. Омельченко Е.Л. Уникален ли российский случай трансформации молодежных культурных практик? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2019. – № 1. – С. 3–27. [Omelchenko EL. Is the Russian case of the transformation of youth cultural practices unique? *Monitoring of public opinion: economic and social changes*. 2019;(1):3-27. (In Russ.)]. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.1.01>.
7. Trix-family: Школа уличных танцев. Хип-Хоп танцы (Hip-Hop) – полноправный вид спорта в России! [Интернет]. [trix-family.ru. Hip-Hop dancing (Hip-Hop) is a full sport in Russia [Internet]. (In Russ.)]. Доступно по: <http://trix-family.ru/news/hip-hop-tancy-stali-oficialnym-vidom-sporta>. Ссылка активна на 13.06.2019.
8. Шумкова Н.В. Региональный аспект изучения молодежных субкультур // Региониология. – 2011. – № 4. [Интернет] [Shumkova NV. Regional aspect of youth subcultures research. *Regionology*. 2011;(4). [Internet]. (In Russ.)]. Доступно по: <https://regionsar.ru/ru/node/840>. Ссылка активна на 12.06.2019.
9. Baker HA Jr. *Black studies – rap and the academy*. U.S.: The University of Chicago press; 1993. 117 p.
10. Chalfant H, Prigoff J. *Spraycan Art*. London: Thames and Hudson Ltd; 1987. 96 p.
11. Christen RS. Hip Hop learning: graffiti as a public educator of urban teenagers. *Educational Foundations*. 2003;17(4):57-82.
12. Crane D. *The transformation of the avant-garde – the New York Art World, 1940-1985*. U.S.: University of Chicago Press; 1987. 204 p.
13. Dennant P. Urban expression... Urban assault... Urban wild style... New York City graffiti. American studies project 1997 [cited 2019 Jun 15]. Available from: <https://www.graffiti.org/faq/pamdennant.html>.
14. Eisestadt S. *From Generation to Generation*. New Brunswick and London: Transaction Publisher; 2009. 425 p.
15. Ferrell J. *Crimes of style: Urban graffiti and the politics of criminality*. New England: Northeastern University Press; 1996. 256 p.
16. Frank P, McKenzie M. *New, Used & Improved – Art for the 80's*. New York: Abbeville Press; 1987. 160 p.
17. Hall S. *Resistance through rituals: youth subcultures in post-war Britain*. London: Routledge; 2006. 292 p.
18. Hebdige D. *Subculture: The Meaning of Style*. London: Methuen; 1979. 195 p.

19. Kriegel L. Graffiti: tunnel notes of a New Yorker. *American Scholar*. 1993;62:431-436.
20. Legendre C. Street delirium. *Psychologie Medicale*. 1989;21:727-731.
21. Mailer N. *The Faith of Graffiti*. New York: Praeger; 1974. 78 p.
22. Parsons T. Age and sex in the social structure of the United States. *American Sociological Review*. 1942;7:604-616. <https://doi.org/10.2307/2085686>.

▪ Информация об авторе

Юлия Александровна Кузовенкова — кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры философии и культурологии, ФГБОУ ВО «Самарский государственный медицинский университет».
E-mail: mirta-80@mail.ru.

▪ Information about the author

Yuliya A. Kuzovenkova — PhD in Culturology, Docent, Associated Professor in Department of Philosophy and Culturology, Samara State Medical University.
E-mail: mirta-80@mail.ru.